

Слова еще звенели в воздухе, когда охваченный пламенем резной карниз рухнул прямо к ногам Лян Сюаня. Яростные искры брызнули во все стороны, осыпав его с ног до головы, — на миг показалось, будто заклинатель сам обратился в пылающий факел.

Тан Тянь от ужаса разрыдалась. Крупные слезы градом покатались по щекам, но, едва коснувшись раскаленного воздуха, тут же превратились в струйки белого пара. Он отчаянно заверещал:

— Матушка!.. Выходи скорее, здесь так жарко! Твоя Тянь-эр сейчас превратится в запеченную птицу!

— Матушка!.. Тянь-эр сейчас сгорит заживо!

— Матушка...

Лян Сюань стоял неподвижно, словно каменное изваяние, оставаясь глухим к отчаянным крикам Тан Тянь. В его глазах отражалось лишь безбрежное море багрового пламени, выжгшее все остальные краски мира.

Малыш Тан Тянь мог бы спастись сам, но, видя, что Лян Сюань не двигается с места, отказался улетать. Цепляясь крошечным клювом за подол его алого одеяния, он изо всех сил тянул его к выходу, но силенок не хватало — ему не удалось сдвинуть его и на пядь.

С ужасом видя, как огонь пожирает алый рукав на левой руке Лян Сюаня, обугливая нежную кожу и обнажая белеющие кости, он больше не мог сдерживаться. Истощенный крик, прежде теснившийся в его горле, наконец вырвался наружу.

Поднялся неистовый ураган. Порыв ветра наполовину подавил пламя.

Лян Сюань медленно открыл отяжелевшие глаза. Посреди этого пылающего ада ему померещился силуэт исполинской птицы.

Насколько огромной? Пожалуй, она превосходила размерами двух его взрослых воплощений...

Не успел он толком осознать происходящее в полубессознательном бреду, как земля ушла из-под ног. Принявший истинный демонический облик Тан Тянь подхватил Лян Сюаня, усадил на спину и взмыл ввысь, прочь из огненного плена.

Изначально он был не прочь сгореть в этом очищающем пламени дотла. Смертоносное желание никуда не исчезло, однако на то, чтобы противиться спасению, у него попросту не осталось сил.

Когда Тан Тянь бережно опустила Лян Сюаня на землю, подоспевший А Ю больше всего на свете хотел влить этому безумцу пару хороших пощечин, дабы привести его в чувство. Но, взглянув на изуродованное огнем, кровоточащее тело, он так и не смог поднять руку.

— Что же нам делать? Что делать? Матушка так сильно обгорел... Что делать? О-о-о... — Тан Тянь, опустив драгоценную ношу, мгновенно сдулся до прежних размеров — внезапный прорыв запредельных сил истощил его без остатка. Он без умолку засыпал А Ю вопросами, заходясь в таком жалобном плаче, что у любого бы сжалось сердце.

Глядя на едва дышащего Лян Сюаня, А Ю тоже забился в панике. Он лихорадочно перебирал в голове все возможные варианты и наконец вскричал:

— Источник Ханьчуань! Точно! Нужно немедленно отнести его к источнику Ханьчуань!

— Но... но кто его понесет? Я больше не могу... У-у-у...

Израсходовав всю демоническую энергию, Тан Тянь не сумел бы сдвинуть с места взрослого мужчину. А Ю стиснул зубы. В его глазах вспыхнули фиолетовые искры. В следующее мгновение тело шестилетнего ребенка начало стремительно вытягиваться, пока не превратилось в статного мужа ростом под восемь чи. Цена за это была непомерна — сто лет упорного самосовершенствования рассеялись без следа.

Бережно подхватив Лян Сюаня, А Ю взвалил его на спину и вместе с плачущим Тан Тянем поспешил прочь из Мира призраков.

Стоило им пересечь границу Мира призраков и выйти к мосту, как они натолкнулись на преградившего путь человека.

Перед ними стоял красивый юноша, чей взор выражал крайнее замешательство.

Тан Тянь с ревом бросился к нему:

— Папенька!

Сердце Шэня Гумина пропустило удар. Он даже не заметил, как разрыдавшийся Тан Тянь уткнулся в его одежды, размазывая слезы и слюни.

Он медленно поднял дрожащую руку и указал на окровавленную фигуру за спиной А Ю:

— Кто... кто это?

Голова Лян Сюаня безвольно покоилась на плече А Ю, лицо скрывали растрепанные иссиня-черные пряди. Разорванный алый рукав обнажал иссеченное плечо, и густая, темная кровь медленно стекала по его руке к кончикам пальцев.

Кап. Кап. Кап.

Она размеренно капала на землю.

И лишь мягкое мерцание кулона из нефрита драконьей крови на его шее выдавало истинную личность раненого.

А Ю лишь плотно сжал губы, храня угрюмое молчание.

Тан Тянь, захлебываясь слезами, запричитал:

— Папенька, матушка сильно пострадал! Чтобы спасти его, нужно немедленно перенести его к источнику Ханьчуань!

Перед мысленным взором Шэня Гумина до сих пор стоял образ Лян Сюаня, каким тот был всего несколько дней назад — сияющий, смеющийся.

Ради этой встречи он сменил привычные белые одежды на праздничное алое убранство. Он был невероятно прекрасен и светился от счастья, преисполненный надежд, стремясь предстать в самом лучшем виде перед тем, кого желал увидеть больше всего на свете.

И каков же итог?.. Ответ лежал перед ним.

Знай Шэнь Гумин заранее, чем все обернется, он костыми бы лег, но не пустил его туда.

Шэнь Гумин заговорил вновь, но голос его сорвался на хрип:

— Как... как вы собираетесь туда добраться?

— Придется бежать, — отозвался А Ю. — Я постараюсь изо всех сил.

— Воспользуемся «Сокращением земли до шага», — глухо произнес Шэнь Гумин.

А Ю опешил:

— Что?

Этот юнец едва достиг ступени Возведения Фундамента. Откуда ему знать о технике, подвластной лишь великим мастерам стадии Зарождающейся Души?

Шэнь Гумин твердо повторил, что попробует. Время уходило, и у него была лишь одна попытка: если не получится — они прибегнут к обычному бегу.

А Ю счел это глупой затеей. Сколько бы юноша на пороге Возведения Фундамента ни бился, ему ни за что не освоить заклинание столь высокого уровня.

Но сила отчаяния творит чудеса. Шэнь Гумин до крови прокусил палец и принялся лихорадочно чертить на земле руны призыва. Его глаза налились багрянцем, а движения были столь яростными, словно он намеревался пробить саму твердь.

Линии ложились неровно, дико, размахисто — в них сквозило яростное упрямство.

Наконец палец замер. Пространство содрогнулось. Заклинание сработало.

Буль-буль-буль...

Круглые, похожие на хрустальные бусины пузыри один за другим поднимались на поверхность. Лян Сюань чувствовал, как ледяной холод сковывает все тело, а конечности наливаются свинцом, увлекая его на глубину.

Стоило сознанию немного проясниться, как он попытался открыть глаза.

«Твою ж дивизию... Так оно и есть».

Оказалось, что он действительно тонет.

Еще в прежней жизни, до трансмиграции в этот роман, он совершенно не умел плавать. А очутившись в теле великого заклинателя, и вовсе превратился в затворника: вел праздный образ жизни на пике Чанлэ, резался в шахматы, дразнил букашек, играл с птицами — словом, наслаждался тихой старостью. Учиться плавать ему и в голову не приходило.

Ощувив, как легкие сдавливает спазм удушья, Лян Сюань засучил руками и в панике рванулся вверх. Свежий воздух хлынул в грудь. Он судорожно, глубоко задышал, опустил взгляд и опешил: вода едва доходила ему до пояса...

А понял он это потому, что заметил человека, стоявшего неподалеку. Увидев, что утопленник

наконец вынырнул, тот медленно двинулся навстречу.

Лян Сюань промок до нитки. Вода ручьями стекала с кончиков волос, ресниц и подбородка. С него уже сняли обгорелые лохмотья, нарядив в чистые белые одежды, которые теперь облепили тело, очерчивая бледную кожу и рельефные мышцы.

Он тупо уставился на подошедшего Шэня Гумина. В голове царил полный сумбур, мысли путались, лишая способности понимать, где он и сколько времени прошло.

Не успел он прийти в себя, как раздался громкий всплеск. Шэнь Гумин крепко обхватил его за талию, прижав к себе практически вплотную. Хватка юноши была столь неистовой, что Лян Сюаню показалось, будто его ребра сейчас хрустнут и сломаются.

«Мать твою, он меня придушить решил?»

— Ох... Больно же! — взмолился Лян Сюань. — Маленький бессмертный господин, ты мне сейчас все внутренности отдавишь.

— Ты еще и боль чувствуешь?! — взорвался тот.

Яростный крик, прозвучавший над самым ухом, заставил Лян Сюаня поморщиться от звона в барабанных перепонках. Голова закружилась, но память наконец начала возвращать крупницы недавнего прошлого.

Прикрыв глаза пушистыми ресницами, он тихо вздохнул:

— Это ты меня спас?

Шэнь Гумин не ослаблял объятий. Его голос звучал обманчиво спокойно, однако в нем проскальзывали незнакомые прежде глухие, хриплые нотки:

— Нет. Тан Тянь.

Помолчав, он с нескрываемой горечью добавил:

— И к черту твои рассказы про старых друзей и прочую чушь! Знай я, что этот старый пройдоха решит покончить с собой, я бы зубами за тебя вцепился. Пусть бы ты избил меня до смерти, я бы не сдвинулся с места, но не пустил тебя туда!

Лян Сюань вздохнул:

— Маленький бессмертный господин, ты перегибаешь палку.

— Я перегибаю? — Шэнь Гумин издал короткий, леденящий смешок. — Если бы я действительно перегнул, ты бы уже был от боли.

Лян Сюань удивленно приподнял брови, не совсем уловив намек главного героя.

Не успел он поразмыслить над этим, как с берега донесся яростный ор уменьшившегося до размеров ребенка А Ю:

— Лян Ланьин, ублюдок ты сумасшедший! Мать твою, назвать тебя тварью — это сделать тебе величайший комплимент! Из-за твоего дурацкого пожара половина Мира призраков выгорела дотла! Ты мне за собственной шкурой заплатишь!

Тан Тянь захлопал крыльями и радостно пропищал:

— Матушка! Вы с папенькой занимаетесь двойным совершенствованием? Прямо в воде? Как здорово!

Шэнь Гумин лишился дара речи.

Лян Сюань тоже безмолвно завис.

«Постойте... Откуда эта пернатая бестия нахваталась таких словечек? Какое еще двойное совершенствование?!»

Шэнь Гумин искоса глянул на Лян Сюаня и поспешно отвел взор, стараясь ничем себя не выдать.

Поскольку ожоги оказались слишком глубокими, да и недавнее разделение сознания сильно ослабило его душу, А Ю заявил: не защити кулон из нефрита драконьей крови его первозданный дух, от великого Лян Ланьина осталась бы лишь горстка пепла. И тогда всему заклинательскому миру пришлось бы поклоняться кучке праха, воспевая вечную славу «Первому красавцу в Поднебесной».

Половина Мира призраков превратилась в пепелище, и А Ю надеялся услышать от этого мерзавца хоть каплю сожаления. Куда там! Этот наглец даже не подумал извиняться. Напротив, он потребовал слов благодарности за то, что помог очистить Мир призраков от вековой скверны, и великодушно пообещал при случае спалить и вторую половину.

Мол, бескорыстная помощь ближним и неприкаянным душам — его священный долг и призвание.

От подобной наглости А Ю едва не развеялся по ветру от гнева.

Перед уходом он смерил Лян Сюаня испепеляющим взглядом и строго-настрого наказал принимать ванны в источнике Ханьчуань ровно сорок девять дней. Омываться холодной водой следовало каждую ночь без исключения. Пропустишь хоть день — тело обожжет невыносимой болью, а если не заходить в воду дольше трех суток, то тяжелых последствий для здоровья не избежать.

Напоследок А Ю шепнул ему на ухо несколько слов о Шэне Гумине. Юноша вел себя крайне странно: овладеть заклинаниями стадии Зарождающейся Души, едва укрепив Возведение Фундамента, — вещь немыслимая. Здесь явно крылась какая-то чертовщина, так что стоило держать ухо востро.

В завершение А Ю в сердцах высказал все, что думает: видеть этого негодяя он больше не желает, пусть убирается на все четыре стороны, а если соберется подохнуть, то пусть делает это втайне — даже подземные духи брезгуют такой сомнительной компанией.

В ответ Лян Сюань лишь пролил крокодиловы слезы:

— Хорошо, папочка все понял. Ступай с миром, сынок. Хоть ты и вырос неблагодарным паршивцем, зажав для отца свой чудесный клубничный мозг, я все равно буду скучать по тебе. На праздник Цинмин обязательно сожгу для тебя побольше жертвенных денег...

А Ю взревел раненым зверем:

— Да пошел ты, Лян Ланьин! Мать твою!..

Источник Ханьчуань располагался в северных землях, где круглый год царила суровая зима, а во время затяжных дождей ледяной ветер пробирал до самых костей.

Медитируя посреди бурлящего источника, Лян Сюань разглядывал проступившие на ладони черные узоры — метки синьмо. Это место хоть и было надежно скрыто от посторонних глаз, находилось совсем неподалеку от Долины радостных кошмаров. Смекнув это, он велел Шэню Гумину немедленно отправиться туда и принести ему гроб.

Однако Шэнь Гумин даже не шелохнулся. Он продолжал безучастно сидеть на берегу, буравя его тяжелым, нечитаемым взглядом.

Юноша не проронил ни слова, не сделал ни единого жеста, но от него буквально веяло глухой обидой. Казалось, он ждет, что его начнут утешать или хотя бы дадут твердое обещание больше не творить глупостей.

Шэнь Гумин в упор смотрел на замершего в воде мужчину в белых одеждах. Разгорелась немая битва взглядов.

— Ну ладно тебе, чему быть, того не миновать, — заговорил Лян Сюань, внимательно отслеживая реакцию своего «маленького бессмертного господина». — Если уж я твердо вознамерюсь отойти в мир иной, тут никто не указ. Но на этот раз я даю тебе слово: больше никаких безрассудств. Можешь идти со спокойной душой.

Шэнь Гумин прищурился, явно сомневаясь в искренности этих слов. Лишь когда Лян Сюань поклялся еще трижды, он наконец соизволил отправиться в путь. Обернулся он на удивление быстро. Убедившись, что его подопечный целехонек и смирно сидит на месте, юноша заметно потеплел лицом.

Улегшись в гроб, Лян Сюань принялся прокручивать в голове события, разыгравшиеся на вилле Орхидея павильона в Мире призраков.

Да, весть о том, что душа Син И безвозвратно рассеялась и вернуть его к жизни невозможно, нанесла ему сокрушительный удар. Он чувствовал отчаяние и невыносимую тоску, но все же не настолько потерял рассудок, чтобы добровольно расстаться с жизнью.

Свой собственный нрав он знал отлично: самоубийство никогда не входило в его планы.

Еще в тот момент, когда в его руках оказался Жетон собирания душ, Лян Сюань почувствовал неладное. Его охватило несвойственное ему, лихорадочное возбуждение — чувство было странным, пугающим. А стоило ему узнать горькую правду о Син И, как рассудок окончательно помутился.

Всему виной был внутренний демон — синьмо.

Он успешно подавлял этого демона без малого сотню лет. И пусть тот не желал подчиняться, но до сих пор не вырывался на свободу. Кто же знал, что в этот раз тварь найдет лазейку и ударит в самое уязвимое место.

Существовало лишь два способа полностью избавиться от этой напасти: либо вернуть Син И к жизни, либо навсегда стереть его из памяти, отринув былую привязанность.

Первый путь испробован и оказался невозможным.

Второй еще предстояло исходить, но...

Эх. Похоже, этот проклятый синьмо останется с ним до конца дней его. Что ж, придется уживаться с ним, сколько получится.

Впрочем, Лян Сюань подметил одну любопытную деталь: ледяные воды источника Ханьчуань на редкость благотворно влияли на разум, возвращая былую ясность. Если его рассудок когда-нибудь снова помутится, он непременно вернется сюда освежиться.

Лян Сюань проспал беспробудным сном до самого рассвета. Откинув крышку гроба, он обнаружил своего «маленького бессмертного господина» за весьма странным занятием: тот держал в руках обгорелые клочья алого халата и задумчиво разглядывал их.

— Ты чего это удумал? Слюни на тряпки пускаешь?

Разумеется, никакой слюны не было — этот несносный болтун опять молот чепуху.

Однако спорить Шэню Гумину совсем не хотелось. В его душе шевелилось смутное воспоминание: он точно помнил, что кто-то уже носил подобное одеяние. Но кем был этот загадочный «кто-то» — Вэйцы-цзюнем или кем-то иным — память наотрез отказывалась выдавать.

Пока он пребывал в глубоком замешательстве, боковым зрением заметил, что мужчина в белом принялся тщательно полировать клинок своего меча. Сердце Шэня Гумина тревожно екнуло. Нехорошее предчувствие тисками сжало грудь, и он спросил:

— Старший, ты куда-то собираешься?

Лян Сюань искренне изумился:

— И как только догадался?

«Неужто главный герой стал настолько проницательным, что читает мои мысли на расстоянии?»

Шэнь Гумин лишь безмолвно вздохнул.

«Стоит ли говорить ему, что он каждый раз протирает оружие перед уходом? Со стороны посмотреть — вылитый душегуб, собравшийся на разбой».

Устроившийся на плече юноши Тан Тянь весело прощепетал:

— Матушка, а куда мы держим путь?

— Отправимся на пир в Цинсяо-цзун. Цюй Цинъюэ ведь присылал нам приглашение, помнишь?

— во взгляде Лян Сюаня загорелся холодный, решительный огонек. — Пора бы кое-что

прояснить. В конце концов, некоторые бесстыжие хари совсем растеряли остатки совести. Прикрываются моим славным именем и хайпятся на моей популярности, дабы придать весу своему жалкому цзуну. Тьфу, до чего же мерзко, аж тошно.

<http://bllate.org/book/18178/1751854>